

A black and white close-up portrait of a middle-aged man with a shaved head and a mustache. He has a serious, almost somber expression, looking slightly downwards. His eyes are partially closed. He is wearing a dark shirt. The background is blurred, showing what appears to be a bookshelf.

Советские тексты в постсоветской редакции

малая проза

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Зайцев

Саша Зайцев

**Советские тексты в
постсоветской редакции**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зайцев С.

Советские тексты в постсоветской редакции / С. Зайцев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Виктор Рябов, профессор РАТИ - ГИТИСа, Заслуженный деятель искусств России: "Я открыл эту книгу с намерением охватить одну-другую главу и не смог остановиться. За абсолютно бессюжетным повествованием, которому подходит, пожалуй, лишь определение "житие", встает напряженный, увлекательный и необычный сюжет! Откройте книжку, разгадайте явные или отчасти скрытые многочисленные посвящения в строках и между ними. Не сомневаюсь, что когда вы дойдете до конца книжки, у вас будет на одного доброго друга больше". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Приглашение от Виктора Рябова	5
Моя революция	6
Пробуждение	7
Дневники пятилетки	8
Революционная ситуация.	9
Максим Горький не спое	12
Не проходите мимо	13
Телефонный разговор	14
Бог умер	16
Надежда	17
Дискант	19
Шалап	20
На конспиративной квартире	21
Зеркало русской революции	22
Любит – не любит	23
Бег впереди времени	24
Куда ж мы уходим?	25
Эрик Мамбетович Конурбаев – русский	26
Дембельская сказка	27
Ромашки спрятались, поникли лютики	28
Бедный Йорик	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Приглашение от Виктора Рябова

Передо мной – прозаическое сочинение Саши Зайцева – «Советские тексты в постсоветской редакции». Несколько часов назад я открыл эту книгу с намерением охватить одну – другую главу... И не смог остановиться! А завершив чтение, с надеждой перелистнул последнюю страничку – нет ли продолжения? Удивительное свойство творчества этого автора – за абсолютно бессюжетным повествованием, которому подходит, пожалуй, лишь определение «житие», встает напряженный, увлекательный и необычный сюжет.

Самое неблагоприятное занятие – поиски аналогий с произведениями других авторов. Настоящая литература никогда ни на что не похожа. Можно лишь сказать, что для поколения постсоветского российского общества, к которому принадлежит и автор, эта штука посильнее, чем «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля для советского общества. Хотя, разумеется, Саша Зайцев не настолько юн, чтобы его житие не вобрало в себя советские годы. Вся книга пронизана тончайшей иронией в описании школьной жизни, в его долгой студенческой одиссее.

На страницах книги много пьют. Но ежели Венедикт Ерофеев питье, определяющее сознание, поэтизирует до обожествления, то персонажи Зайцева пьют в посконной неизбежности, необходимости этого процесса. Увлекательны путешествия героя. Здесь – и образы южных городов, и армейские будни. Но, пожалуй, наиболее ярко живописует автор жизнь Талды-Курганского драматического театра (а может быть, мне, как театральному режиссеру с огромным стажем, эти главы показались самыми значительными). Репетиции, премьеры, гастроли – все это сливается в калейдоскоп экзотики жития периферийного драматического театра. И, конечно, портреты... А как владеет автор умением плести мозаику из многозначительных фамилий...

Каюсь, ненавижу употребление в печати ненормативной лексики. Но Саше Зайцеву позволяю и это. У него сам художественный строй, сама форма повествования доказывают необходимость именно такого лексикона, именно этих крепких выражений. Не дай господь, «мудрая» редакторская рука заменит выражения автора на более пресные или проставит многоточия. Пропадет аромат, неповторимость зайцевских строк.

Не могу не привести примера живописи словом в этом романе. Вот продавщица гастрономического отдела Маша: «...весы у Маши были таким же инструментом, как рояль, а Маша умела на нем играть, как Лист или Ван Клиберн. Тихая музыка советской торговли, журчащая из-под полупустых прилавков как аккомпанемент хамству обслуживающего персонала». Но я уже начинаю пересказывать содержание книги, лишая читателя удовольствия самостоятельно насладиться всеми достоинствами произведения. Откройте книжку, разгадайте явные или отчасти скрытые многочисленные посвящения в строках и между ними. Не сомневаюсь, что когда вы дойдете до конца книжки, у вас будет на одного доброго друга больше!

Всего вам доброго.

Виктор Рябов, профессор РАТИ-ГИТИСа, Заслуженный деятель искусств России.

Моя революция

Посвящается моей няне Елизавете Арсеньевне Шибяевой

Но теперь оттенок, который окрашивает эти события, позволяет взглянуть на них по-иному.

О. де Бальзак

Пробуждение

Интересно устроена память: прошлое и будущее она сталкивает в настоящем (...есть только миг...). Кажется, что время остановилось. Стоит себе, как этот шкаф, диван, книжные полки, письменный стол... Эрекция времени, приводящая к эякуляции – простите за биологизм —сюжетов, перемещающихся на дне сознания. Какой-то из них, как в детской игре, становится Царем Горы. И тогда прошедшее или то, что еще только должно произойти, будто выхватывается прожектором из мрака и происходит сейчас.

Комната наполняется солнечными лучами. К моей кровати тихо подходит няня. Я еще сплю. Няня гладит меня по голове, пилит слегка мою шею ребром теплой ладони, ласково приговаривая: «Зарежу поросю». Я не реагирую. Тогда с меня стягивается одеяло. Это значит, что пора в школу и вызывает ответную реакцию – я дрыгаю ногами и тщетно пытаюсь вернуть одеяло на место. В коридоре зазвонил телефон. Я вскакиваю и хватаю трубку, из которой доносится возбужденная картавая речь: «Саня! Срочно! Архиважно! Промедление смерти подобно – возьмемся за оружие, друг! В наличии рогатка и самострел с оптическим прицелом. Боевая готовность № 1. Как это, кто говорит? Владимир Ильич Ленин говорит! Не узнаешь, политическая проститутка? Сам туда иди...» – телефонный звонок одноклассника и хулигана компенсирует нянины старания. Позавтракав на скорую руку, я собираю не собранный с вечера портфель и демонстративно повязываю перед зеркалом поверх белой рубашки пионерский галстук, чтобы, выйдя за дверь, скомкать его и засунуть в брючный карман вместо носового. Манипуляция производится ради бабушки. Бабушка верит в бессмертные идеалы, и мне не хочется нервировать ее без нужды (за непристойную надпись на лбу гипсового бюста вождя в школьном вестибюле из пионеров абсолютным большинством голосов пионерской организации при двух воздержавшихся меня с позором исключили). В общем, на клич пионера я реагировать перестал, о чем бабушка, конечно, не догадывается. Что поделаешь, не могу я быть всегда готов неизвестно к чему. Даже не совсем уверен, что готов к труду и обороне, хотя нормы ГТО сдал и получил из рук физрука Василия Ивановича серебряный значок и соответствующее удостоверение. Не сдавшими учениками Василий Иванович протирал пол в спортзале. Брал их за руки, за ноги и водил спинами по крашенным в салатовый цвет доскам в загрязненных местах. Воистину, «если хилый – сразу в гроб». Повязал я, значит, пионерский галстук, оглядел себя в зеркале критически – галстук мне явно не к лицу. Мимо, в направлении ванной комнаты, в одной ночной рубашке старшая сестра проходит. «Доброе утро, – говорит. «Доброе», – отвечаю и неумовимым движением задираю ей ночную рубашку аж выше одного места. Увернувшись от оплеухи, становлюсь свидетелем очаровательной девичьей стыдливости (визг, покраснение щек, некоторая агрессивность в поведении). Разобравшись таким неприглядным образом со своими еще не сформировавшимися эротическими потребностями, я выскакиваю на лестницу, кубарем выкатываюсь из подъезда и, размахивая портфелем, бегу в школу, освобождая на ходу чуть вспотевшую шею от пионерской символики.

Так просыпается большой город в лице своей маленькой несознательной частицы. Радостно ощущать в эти минуты, что утро красит не одни стены древнего Кремля, но не обделяет нежным светом и обшарпанный фасад школы, из-за угла которой Вовка Ульянов прицелился из рогатки в пышный зад учительницы географии Анны Захаровны Микоянской.

Дневники пятилетки

Анна Захаровна желала маршировать в ногу с научным прогрессом. Как-то явилась ей светлая мысль. И предложила Микоянская ученикам завести по толстой общей тетради и разделить их (тетради) на пятнадцать частей каждую – по количеству республик Советского Союза – и соответственно озаглавить. Далее мальчикам и девочкам предстояло вырезать из газет заметки о битвах за урожай и прочих трудовых вахтах и буднях. Ну, например, Ивановский прядильный комбинат перевыполнил намеченный план на столько-то километров пряжи, железнодорожники Гомельского депо соревнуются под девизом «Меньшим числом локомотивов перевезем больше народнохозяйственных грузов», флагман отечественного хлеборобства (виноделия) Ворошиловградский колхоз имени Котовского (Кишиневский ликеро-водочный завод) засыпал (влил) в закрома (бочки и иные емкости) Родины на столько-то тонн (гектолитров) зерна (портвейна, водки, коньяка) больше, чем взял на себя обязательств, и т.п. Заметочка аккуратно вклеивается в раздел, к которому имеет непосредственное отношение («Белорусская ССР», «Молдавская ССР», «Казахская ...»). Под ней обязательно указывается источник (г. «Правда», г. Советская Россия», ж. «Коммунист»...) и дата. Называться тетрадь будет «Дневником пятилетки». Анна Захаровна довела до общего сведения, что состояние (толщина) «Дневника» окажет решающее значение при выставлении оценки за год, поскольку ученики должны не только раскрашивать в контурных картах различные регионы цветными карандашами, но и четко себе представлять, что в этих регионах происходит. Педагогическому совету идея понравилась, и директор внедрил ее в учебный процесс, объявив Анне Захаровне преждевременную благодарность. Казалось, и ученики заинтересовались. Даже у Вовки Ульянова «Дневник» пух как голодающие Поволжья. Тем временем пронесся тревожный слух о массовом отравлении школьными завтраками и всеобщем поносе. Не то, чтобы были задристаны все туалеты, а ученики на каждом углу хватались за животы и стремглав неслись к унитадам – тревогу забила библиотекарша. Все без исключения библиотечные подшивки газет были либо изрезаны и разодраны в клочья, либо попросту исчезли. Что могла предположить старая женщина в условиях острейшего дефицита туалетной бумаги? Но вот, что странно: ни одна книга, ни один литературный журнал не пострадали, хотя по качеству бумаги газетам не уступали. Больше того, вырванный книжный лист, если его хорошенько скомкать, а затем разгладить, оказывался даже несколько мягче газетного. Версия отравления отпала. Ее несостоятельность подтвердили и прибывшие врачи санэпидемстанции. Но внутренний фактор неожиданно сменился внешним. В подъездах и раньше воровали газеты и журналы, случалось, что и поджигали их прямо в почтовых ящиках, но чтобы так... Уничтожение печатной продукции в окрестных домах стало принимать необратимый характер. Жильцы были вынуждены (а что делать?) выставять дежурных по подъездам. Бдительность подписчиков принесла результаты, причем довольно неожиданные. За руку схватили не Вову Ульянова, не Леву Бронштейна, друга и почитателя Вовиных пакостей и безобразий, а отличника учебы Феликса Дзержинюка. Примкнувший к нему пионерский актив класса зазевался, стоя на шухере. Феликс сдал их всех с потрохами дознавателю в детской комнате милиции, вымаливая прощение.

Так прекратили существование «Дневники пятилетки», благодарность Анне Захаровне отменили и тем ограничились. Не исключено также, что мир потерял какого-нибудь будущего Пржевальского или Миклухо-Маклая, ибо педагогические методы Анны Захаровны Микоянской убивали любовь к географии, когда она (любовь) еще даже не успевала зародиться. Но это лишь гипотеза, по истинности имеющая право на существование не более анекдота про онаниста, загубившего в кулаке гимнаста.

Революционная ситуация.

– Жизнь дается человеку один раз, и стрелять надо так, чтобы жертвам было мучительно больно после каждого меткого выстрела, чтобы не жег позор за случайные и безответственные промахи, и чтобы закуривая на большой перемене в помещении за дверью с одной буквой «М», ты мог, не лукавя, сказать: «Не «Дневник пятилетки» красит человека, а человек красит «Дневник пятилетки».

– Лева, что ты несешь?

– Счастье людям, – потрянул рыжей шевелюрой Лева Бронштейн. – Николай Островский. «Как закалялась сталь». Тут еще, знаете, как-то сама собой мелодия напрашивается. – Лева зажмурился и засвистел мотив песни «И боец молодой вдруг поник головой – комсомольское сердце пробито...» Просьбу пригласить в школу родителей он не расслышал из-за прозвевшего в нужный момент звонка, возвестившего окончание урока.

Оговоримся: на время перемен Бронштейн объявил учителям бойкот: «Голова у меня пустая, потому что устаю я от вас. Урок добросовестно приготовлю, за парту сяду, и через полчаса будто и книгу не раскрывал – в ушах звенит, в глазах темно. Перемена дается, чтобы с мыслями собираться. На занятиях задавайте вопросы, ставьте двойки, вызывайте родителей, выгоняйте из класса, но после звонка руки прочь!» На Леву не действовали ни угрозы, ни увещевания. Постепенно его оставили в покое. А он курил на последнем этаже в туалете и брэнчал на гитаре, исполняя любимые песни Ильича (отчество Вовки Ульянова) «Help», «Yesterday», «Yellow submarine» and «Don't let me down». Ильич подыгрывал ему на скрипке – Вовкина мама Мария Александровна преподавала игру на этом инструменте в музыкальной школе. Их услышала учительница пения Инесса Армандосовна Люксембургова и предложила свои услуги по классу вокала (не в туалете, разумеется, а поодаль). Образовалась школьная вокально-инструментальная группа. После первого же вечера с танцами в актовом зале ее разогнал ко всем чертям директор школы Зиновий Аркадьевич Каменев по причине неистовства поклонников, затеявших массовую драку. Трое зачинщиков были на лицо. Люксембургову из школы уволили, Ульянову и Бронштейну выставили в четверти неудовлетворительные оценки по поведению.

Назревала революционная ситуация.

В лаборатории кабинета биологии пропала заспиртованная лягушка.

Учитель химии Дмитрий Иванович Мендельсон по ошибке спустил в унитаз склянку с натрием, приняв ее за испорченную печень трески.

На практических занятиях по физике Белла Львовна Рунге, показывая ученикам, как надо правильно собирать детекторный приемник, на волне «Маяка» поймала «Голос Америки» и от неожиданности потеряла сознание.

Вот-вот послышатся шаги командора в кабинете директора. А Вова и Лева ведут себя тише воды, ниже травы, уроков не прогуливают – не равён час, отличниками станут. Ульянов принес извинения учительнице литературы Надежде Константиновне за глупые шутки и пообещал ей впредь никогда больше не предлагать руки и сердца. Бронштейн перестал бойкотировать педагогический состав. И что? А то, что на втором этаже канализацию прорвало. Нагрязнула комиссия из РОНО. Член комиссии неосторожно задел рукавом пустотелый бюст Ленина в кабинете директора. Раздался легкий хрустальный звон. Прикрыли дверь – совещание. Комиссия существенных недостатков не обнаружила и лишь порекомендовала восстановить на работе учительницу пения Люксембургову. Люксембургова отказалась. Ее место занял бывший солист Ансамбля песни и пляски Советской армии имени Александрова. Ульянов с Бронштейном музицируют по вечерам в каком-то клубе, где ими, поговаривают, заинтересовался сам Алексей Козлов.

Как известно, в тихом омуте черти водятся. Ульянов вздумал потряхнуть стариной и на улице, еще до начала уроков, подстрелил из рогатки Василия Ивановича. Занятия, опасаясь мести физкультурника, прогулял. Бронштейн, выходя из класса, молча положил на стол перед Надеждой Константиновной запечатанный конверт. На конверте корявым почерком, но разборчиво было выведено «От Ильича».

– Опять двадцать пять! Когда это кончится? – застонала Надежда.

– Когда-нибудь, – неопределенно ответил Лева. – Меня попросили – я передал.

– Я тоже хочу тебя попросить.

– Извините, Надежда Константиновна, идет вторая минута перемены.

– Лева!

– Если вам не терпится пообщаться с моим отцом, могу дать домашний телефон. Забывайте стрелку сами. Ему даже приятно будет. Мама в санатории.

– При чем здесь мама?

– При том самом, – томно прищурил глаз циничный Бронштейн. – И Ульянов от ревности дара речи лишится и прекратит вас своими посланиями бомбардировать.

– Послушай, Лева, я вовсе не собиралась беседовать с твоим отцом.

– Мне показалось?

– Показалось. И вот что. Открой, пожалуйста, конверт.

– Он не мне адресован.

– Здесь не написано, кому он адресован.

– Подразумевается. Написано: «От Ильича». Вы – Надежда Константиновна. История подсказывает...

– Ах, история? Ну, тогда ты сам почти что Троцкий! Конверт вскроешь? Читай вслух.

– Завтра было бы поздно. Точка. Думаю о вас постоянно. Точка. И подпись: Ленин. Всё.

– Пойми, твой друг просто-напросто издевается надо мной, используя нелепое созвучие имен. Вместо того, чтобы по напутствию лица, с которым он себя идентифицирует, «учиться, учиться и учиться», он издевается, издевается и издевается. В какое дурацкое положение он меня ставит и, главное, за что?

– Все они, Ильичи, сволочи лысые.

– Лева!.. Ты бы что ли поговорил с ним, вы все-таки друзья, одна джаз-банда, можно сказать.

– Банда-то, мы банда, – согласился Лева, – но, к сожалению, с некоторых пор не джаз, в стенах школы во всяком случае. Когда нас разогнали, никто не вступился. И вы промолчали, а хорошо ли это? Ладно, забудем. С Ульяновым я поговорю. Если хотите, на дуэль его вызову – с десяти шагов из рогаток.

– Не надо из рогаток... Знаешь что... Заходи вечером ко мне в гости на чай. Гитару захвати.

– Надежда Константиновна, а с Ильичом можно?

– С Ильичом?

– Даю слово, он не будет больше. Без его скрипичного сопровождения репертуар сильно проигрывает.

– С Ильичом, так с Ильичом. Кстати, почему его в школе нет?

– Между нами только. Прогуливает. Курьез утром произошел. Целился он из нашего любимого оружия...

– Из рогатки?

– Ну, не из «Макарова» же. Так вот, целился он в мягкое место позора нашей географии, а угодил, черт его знает как, в упругую ягодицу возрождения физической культуры. Василий Иванович его не догнал, но обещал все уши пообрывать. Справку я ему сделаю. Всё, побежал, перемена заканчивается, покурить не успею.

– Бронштейн!

Но Лева уже выскочил в коридор, пролетел, минуя по три ступеньки кряду, два лестничных пролета и остановился у двери на второй этаж, из-за которой доносились обрывки беседы Зиновия Аркадьевича Каменева с Анной Захаровной Микоянской. Обрывки эти сливались с общим монотонным шумом перемены и никакого интереса собой не представляли. Однако последняя случайно долетевшая фраза директора почему-то испортила Лева настроение. Так бывает иногда. Ничего особенного Лева не услышал: «Ну, вы же понимаете, Анна Захаровна, что это – дело каждого коммуниста». Невольно подумалось: до какой же степени все изолгались, кого они из себя корчат? Ладно бы с высокой трибуны, а то ведь в простом разговоре с глазу на глаз... Интересно, чего, собственно, добивается Надежда Константиновна? Домой вот к себе пригласила. Неужели хочет таким способом дешевый авторитет заработать? Ильич ее достал, спору нет. Ну и приглашала бы его, меня-то зачем использовать?.. Неожиданно Лева стал противен сам себе. Нельзя же, в самом деле, всех равнять с этими задницами. Так и жить расхочется. Ноги сами спустили его на первый этаж, вынесли на улицу и понесли дальше. Следующим уроком по расписанию была география, следующим действием Левы Бронштейна – звонок из ближайшей телефонной будки Володе Ульянову. Ильич пригласил в гости, пообещав показать другу поэму, от которой не придет в благоговейный трепет разве что биологический урод вроде Зямы Каменева.

Максим Горький не споет

Если передвинуть стрелки на несколько часов назад, можно увидеть, как Володя Ульянов кружит на велосипеде по аллеям Чапаевского парка. Затем он пересекает улицу Вальтера Ульбрихта и движется в сторону кинотеатра «Ленинград», отдавая должное важнейшему из искусств. На афише силуэты четырех всадников на фоне багрового заката.

Фильм «Неуловимые мстители» Володя знал наизусть. Крутить педали надоело. Возвращаться в школу – просто опасно. Хорошо бы домой. Скрипочку взять. И из Равеля что-нибудь. Но маме на работу к двенадцати (на часах начало десятого). Врать и изворачиваться перед ней глупо и не хочется, говорить правду – тем более. И без него настрадалась из-за старшего паразита (...братан Сашка сквернословил на Красной площади перед святой усыпальницей, и там же его стошнило на блюстителя порядка при вооруженных фотоаппаратом иностранных туристах. Несмотря на то, что пленку засветили, Саша был исключен из литературного института и угодил на пару лет в стройбат, распиздяй. Благо, отец, земля ему пухом, Илья Николаевич не дожил до этого позора). Ничего не оставалось, как повернуть обратно в Чапаевский парк. Прислонив «Орленка» к стволу раскидистой рябины и устроившись на лавочке под ней же, Ульянов младший погрузился в чтение самиздатовских «Москвы – Петушков», оставленных ему братом Александром, да так увлекся, что не заметил, как и время пролетело. Прав Ерофеев: не споет Максим Горький песен о поколении, идущим вслед за ним (Веней), – подумал Володя, закладывая рябиновым листочком страницу на прогоне «Купавна – 33-ий километр». Он сунул рукопись в прикрепленный к багажнику портфель, в котором лежали также засунутый мамой пакет с бутербродами, рогатка, потерявший актуальность «Дневник пятилетки» (его Володя любил как бы невзначай полистать на уроках географии перед Микоянской), несколько тонких тетрадок и пачка конвертов для корреспонденций Надежде Константиновне, и поехал домой. Притормозив по дороге у мусорного контейнера, он открыл портфель и выбросил поочередно рогатку, «Дневник пятилетки», а поколебавшись минуту, и связанные тесемкой конверты. При этом произнес в никуда загадочные слова: «Это не наш путь. Мы пойдем другим путем».

Не проходите мимо

На улицах и в переулках, тупиках, сквериках и двориках, да где угодно(!) в черте города Москвы нет-нет, а что-нибудь и случится...

Как ни спешил к Ульянову Бронштейн, а мимо металлических арбузных клеток у Ленинградского рынка со стороны Часовой улицы не прошел. А вы бы прошли? Толпа живо обсуждала нелепую ситуацию. Одна сердобольная женщина попыталась вызвать милицию, но дежурный, узнав причину, пригрозил ей штрафом за телефонное хулиганство и повесил трубку. Но к делу. В одной из этих клеток среди бела дня вместо бахчевых культур сидел запертый на всякий замок обнаженный негр. Не верите? В милиции вот тоже не поверили, а негр между тем сидел, прикрывая лиловыми руками причинное место, и дико озирался по сторонам. С появлением привлеченного странным сборищем наряда милиции – старшего лейтенанта и сержанта – глумление не прекратилось. Милиционеры не могли взять в толк, галлюцинируют они или нет. Ущипнув себя за ляжку, первым опомнился сержант и вызвал по рации машину. Старший по званию обратился к публике, нет ли свидетелей? Свидетелей факта пребывания африканского гражданина в столь незавидном положении было предостаточно. Очевидцев того, как он в этом положении оказался, конечно, не нашлось. Разбирательство осложнялось и тем, что порусски потерпевший не изъяснялся, от услуг добровольцев-переводчиков упрямо отказывался и лишь нечленораздельно мычал. Милиционеры догадывались, что пленника надо бы освободить, но как открыть замок без ключа, представления не имели. Дворника, принесшего лом и предложившего помощь, с места происшествия прогнали, чтоб не мешал. Сержант стал проявлять скрытые до поры расистские наклонности, заметив, что в Америке подобное сплошь и рядом – и ничего, а у нас малейший инцидент вызывает бурю справедливого негодования. Никакой бури Лева при всем желании не заметил. Только вытянутые под воздействием животного интереса шеи отогнанных милиционерами аборигенов, да их же постыдные реплики и дурацкие советы. Какой-то алкаш называл несчастного Андрюхой и пытался просунуть ему между прутьями решетки бутылку пива и соленый сухарик... Лева прикрыл глаза, и перед ними в туманной дымке проплыл облик директора школы, говорящего что-то про «дело каждого коммуниста». И стало вдруг предельно ясно, что негр, временно неспособный крепить дружбу и взаимопонимание между народами, к делам коммунистов никакого отношения иметь не может (и не только негр).

Прибывшая машина с синей полосой наконец увезла трясущегося африканца. Представление закончилось. Спасибо за внимание и до новых встреч в уличной версии передачи «Очевидное – невероятное».

Телефонный разговор

Есть мнение: каждая женщина по-своему красива. Так оно и есть. Хотя, конечно, что под этим иметь в виду. Допустим, можно было восхищаться красотой внутреннего мира Елены Георгиевны Боннэр, а 99% участниц конкурса «Мисс – бюст» или «Мисс – длинные ноги» считать набитыми дурами. И все-таки красавиц встречаешь не часто (посмотрите внимательно по сторонам и не спорьте). Когда в представительнице прекрасного пола красота сочетается с умственными способностями, впору говорить о явлении неординарном. Ну а чтобы – красива, умна, да еще и не стерва – так не бывает, разве что чудо. Чудом и представляется мне по сей день наша учительница литературы. В Надежду Константиновну нельзя было не влюбиться, причем с первого взгляда. Думаю, и Володька Ульянов, когда отправлял ей через Леву Бронштейна пылкие признания, выстраивая шуточные исторические параллели, не только ерничал. Бронштейн сублимировал иначе: в каждое сочинение, какие бы вопросы оно ни затрагивало, он умудрялся на спор либо вставить цитату из В. И. Ленина, либо так или иначе упомянуть его имя. Вот два эпиграфа, размещенных им один под другим в опусе на вольную тему «Революционный держите шаг»:

«Ленин в тебе и во мне!» Л. Ошанин

«В нас с вами тоже много звериного». А. Ким

Надежда Константиновна юмор понимала. А после общения в учительской с Василием Ивановичем он был ей органически необходим. Как душ после пыльной работы. Ульянов и Бронштейн поднимали ей настроение. Иногда, не в силах сдержать улыбку, она закрывала лицо руками, как бы приходя в отчаяние от очередного безобразия. Бывало, просила пригласить в школу родителей, о чем через пять минут «забывала». Проверая дома их сочинения, часто не могла удержаться от звонка кому-нибудь из однокурсников по филфаку, чтобы зачитать им места, которые хотелось перечитать:

– Мишка, привет! Ты диплом по Тургеневу защищал?

– Сомневаешься?

– Послушай, что пишут мои оболтусы: «Иван Сергеевич Тургенев перед тем, как написать стихотворение в прозе, или горестно раздумывая во дни сомнений о судьбах родины, прогуливался с Полиной Виардо по аллеям старого парка. Стояла поздняя осень. Быстро темнело. И ни единого фонаря! Насколько же чище могли быть их отношения, как несоизмеримо глубже чувства, когда бы в 19 или 20.00 вспыхивали яркие электрические лампочки, не оставляя шансов разбрасываемым вековыми деревьями зловещим теням, преследующим влюбленных. А ведь еще Ленин отмечал, что коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

– Если твои ребята так раскрывают тему любви Ивана Сергеевича, я за нашу смену спокоен. Тебе, Надька, в Оксфорде преподавать!

– Да ну тебя! Меня же с работы уволят без выходного пособия, попади случайно их творения в руки кому-нибудь из коллег.

– Работа не волк. В Кембридж переберешься.

– А серьезно?

– Хм... Ну, поговори с Тургеневедом в неформальной обстановке. Домой к себе пригласи, что ли.

– Пригласила уже...

– Видишь, не мне тебя учить...

– ...вместе с Вовой Ульяновым. Этот мне письма пишет, в любви клянется и Лениным подписывается.

– Любви все возрасты покорны – у Ленина отменный вкус. Я тебе тоже писал: чего же боле?.. что я могу еще... в вашей воле... – А ты! о Боже мой! Кого себе избрала? Когда подумаю, кого ты предпочита!

– Я обещала подумать, если сбросишь килограмм тридцать.

– Сброшу, как два пальца обоссать.

– Дурак.

– Нет, это ...я опять у ваших ног...

– По-Тургеневски?

– Надька, как говорила Анна Андревна, – мы же филологи...

– Я почти согласна. На чем мы остановились?

– На Ленине.

– С мальчишками-то что делать?

– С мальчишками... Помнишь, как старшие товарищи выпускали альманах «Метрополь»?

– Помню.

– Не перебивай. Заинтригуй Ленина и – как там второго-то, Тургеневеда?..

– Бронштейн.

– Однако... Заинтригуй Ленина с Троцким опытом старших товарищей. Предложи им «свой Метрополь». Название пусть сами придумают и сочиняют, ни в чем себя не ограничивая. Ты будешь «главным редактором» и одновременно «благодарным читателем». Наиболее удачное можно будет отпечатать и сброшюровать. Условий два – строжайшая тайна, и чтоб в школе вели себя прилично. Воистину есть у революции начало, нет у революции конца...

P.S. Михаил Александрович Шолохов (не автор «Тихого Дона» и не лауреат Нобелевской премии) положил трубку, погладил перед зеркалом живот, похлопал себя по крутым бокам и ягодицам и решительно облачился в спортивный костюм и кроссовки. Костюм едва не лопнул по швам. Кроссовки ощутимо жали в области больших пальцев. Михаил Александрович понял, что пробежка, как средство для похудения, не для него. Не ему, видимо, предстояло повести в перспективе Надю Крупскую под венец. Он переоделся в домашний халат, утопил чресла-булки в мягком кресле и закурил. На баньку с можжевельным веничком возлагалась последняя надежда – «Надежда, мой компас земной... Совсем спятил. Жрать буду меньше, и все дела», – Михаил Александрович затушил сигарету, пересел к письменному столу и продолжил править кандидатскую диссертацию одного номенклатурного дебила «О положительном влиянии Зазеркалья русской революции на судьбу девочки Алисы». Этим он зарабатывал на безбедную жизнь, имея в узких кругах заслуженный авторитет. Самому защититься не хватало времени.

Бог умер

Лева задерживался. Ожидая товарища, Вова дочитывал Ерофеевскую поэму: «И ангелы – рассмеялись. Вы знаете, как смеются ангелы?.. Когда-то, очень давно, в Лобне, у вокзала, зарезало поездом человека, и непостижимо зарезало: всю его нижнюю половину измолотило в мелкие дребезги и расшвыряло по полотну, а верхняя половина, от пояса, осталась как бы живою, и стояла у рельсов, как стоят на постаментах бюсты разной сволочи... Многие не могли на это глядеть... А дети подбежали к нему, трое или четверо детей, где-то подобрали дымящийся окурок и вставили его в мертвый полуоткрытый рот. И окурок все дымился, а дети скакали вокруг и хохотали над этой забавностью...

...Они смеялись, а Бог молчал...»

Наконец раздался звонок в дверь. Лева был возбужден, тыльная сторона его правой ладони заметно распухла.

...когда милицейская машина с освобожденным дядей Томом скрылась за поворотом, Лева под впечатлением от неожиданной картинки русской жизни, машинально уединился в заброшенном дворике перевести дух и услышал жуткий кошачий вопль из разросшихся кустов, видимость за которыми отсутствовала. Через минуту затрещали ветки, из кустов вылез Дзержинюк с портфелем и, не заметив Левы, быстро удалился. «На хвост что ли наступил животному?» – подумал Лева. Порыв ветра раздвинул ветки. В просвете что-то темнело и раскачивалось. Лева подошел и увидел повешенную кошку с картонной табличкой на шее: *ДУШИЛА ПТИЦ*

Догнать палача-живодера было не трудно. И Лева дал рукам волю...

Сбивчивый Левин рассказ заканчивался приглашением в гости к Надежде Константиновне с инструментами и оговоркой, что захватить с собой придется одну скрипку, поскольку правая рука Левы пришла в полнейшую музыкальную негодность.

Надежда

Бронштейн набрал Надежде Константиновне и, дождавшись ответа абонента, попросил о переносе встречи:

– Понимаете, Надежда Константиновна, Ульянов вам новое письмо пишет. Я у него, но сделать ничего не могу. Вот он трубку рвет, посоветоваться насчет взятия почты и телеграфа желает. «Архиважно», – говорит. Передать ему трубку? Пожалуйста.

– Але, але! Надежда Константиновна, здравствуйте! Не за старое... Не слушайте вы его. Ничего я не пишу. Просто Лева руку сильно повредил и зол на весь мир. Нет, не упал, это Дзержинюк от его удара упал. Долго рассказывать. Понял. Хорошо. Будем в течение часа. Хорошо, без сюрпризов.

– Без сюрпризов не получится, – сказал он Лева, закончив разговор, – и поглядим, что получится. Иди умойся пока, а то на черта похож.

Вова достал из-под дивана грудку оставленных ему на хранение братом книжек и вместе со скрипкой сложил их в большую спортивную сумку.

– Долго ты там еще возиться будешь? – крикнул он другу, – я давно готов!..

Надежда Константиновна не удивилась. Это не точно. Она была ошарашена. Но не сразу. Начали со скрипки и вокала, и лишь после домашнего концерта ученики присели к столу, где их ждали торт и хорошо заваренный чай. Надежда Константиновна пожурела по долгу службы Володю за «вынужденный» прогул, а Леву – за проведенную им на прошлой неделе политинформацию.

– Я не напрашивался, – оправдывался Лева, – меня Зиновий Аркадьевич заставил ее провести во искупление прежних грехов. И сам же перебивал на каждом слове. Я говорю: «Брежнев выступил на форуме с важной инициативой». А он мне: «Не Брежнев, а товарищ Брежнев». Я говорю: «Брежнев наградил коллектив предприятия». А он мне: «Не Брежнев, а товарищ Брежнев». Я говорю... А он мне... Ну не сдержался я: «Тамбовский волк, – говорю, – тебе товарищ».

– Надо отдавать себе отчет, Лева, кому, что и где можно говорить.

– Целиком разделяю вашу точку зрения на этот счет, Надежда Константиновна, – поддержал Володя, – а вот в школьной программе по литературе, извините, но жду перемен. И полез в спортивную сумку. По мере изъятия из нее разноцветного там- и самиздата Надежде начинало казаться, что это какая-то чудовищная провокация завербованных подростков, и в дверь вот-вот непременно позвонят...

– Ребята, откуда все это?

– У друзей одалживаем. Интересуетесь? Вам оставить что-нибудь? Хотите Алешковского? – обхохочетесь, а то и слеза навернется. Довлатов есть. Вайль и Генис вот. Ерофеева читали?

– Читала. Боже мой... Читала... Но вам еще ведь только...

– По пятнадцать лет? Микоянской под сорок, но и в пятьдесят вряд ли что изменится. Наш ровесник Дзержинюк Фадеева читает и кошек вешает.

– Володя, возьми, пожалуйста, скрипку.

– Что сыграть?

– Что хочешь.

– Романс Свиридова к пушкинской «Метели».

Музыкальная пауза пришлась кстати. Чистая гармония объединила учительницу и учеников. Все трое вдруг почувствовали себя друзьями – и возраст тому уже не был помехой. Для этого, собственно, и собрались. Володя отложил инструмент. Немного помолчали. Не нарушая тишины, Надежда Константиновна вышла на кухню, чтобы поставить остывший чайник.

Вовка подмигнул Леве: не ошиблись. Под занавес Надежда Константиновна мастерски подкинула идею Михаила Александровича Шолохова («Поднятой целины» не писавшего и Даниэля с Синявским не поносившего) о совместном альманахе. Оба восприняли ее на ура.

Дискант

Да, «годы летят, наши годы как птицы летят». На днях автор этой правдивейшей истории, на самом деле, надо полагать, никогда не происходившей, навестил Надежду Константиновну, чтобы поздравить ее с днем рождения. Дверь открыл Михаил Александрович, подтянутый и стройный как Енгибаров. За праздничным столом сидели наоборот несколько раздавшиеся Вовка Ульянов и Лева Бронштейн. Мой приход оторвал их от обсуждения грядущего совместного похода в паспортный стол на предмет смены фамилий. Лева хотел стать Толстым, а Володя – Набоковым. Вручив букет и пропустив за Надежду «штрафную», я с Михаилом Александровичем присоединился. Он согласился на Гербалайфова, я – на Грибоедова (грибы – моя давнишняя страсть). Толстому и Набокову мы посоветовали быть скромнее и опуститься хотя бы до уровня Новоженова и Кара-Мурзы. До драки, впрочем, не дошло. Напряжение сняла сама виновница торжества:

– Мальчики, хватит ссориться. Ильич, не маши руками! Вспомните лучше, с чего началась наша дружба, – и она извлекла неизвестно откуда пожелтевшие переплетенные машинописные листы...

Да-да, это был тот самый школьный альманах со странным названием «Дискант». Надо полагать, имелись в виду неокрепшие голоса самокритичных авторов. Много не сохранилось. Споры, смех и слезы «редакционной коллегии» остались в далеком прошлом. Но сбереженные временем «Рассказы о Ленине», переданные Надеждой Константиновной на правах главного редактора с молчаливого согласия Вовы и Левы в мои руки, передо мной. Без комментариев и каких-либо изменений предлагаю их вашему снисходительному вниманию.

Шалаш

Ленин шел по тропе к шалашу. На третий день пути он понял, что взял много левее и давно прошел мимо. Пришлось возвращаться. На пятый день пути стало очевидно, что и новая тропа выбрана неверно – как ни верти, а он все же Ленин, а не геолог на распутье. Сильно хотелось есть и пить. Пожевывая кисловатый стебелек прошлогоднего щавеля, Ленин круто взял вправо, и на седьмой день пути в поле зрения показался шалаш. Ленин припустил, хотя силы покидали. До шалаша оставалось несколько шагов. И тут Ленин сообразил, что не марксизмом единым жив человек, и неплохо бы на досуге географией позаниматься. Это был совсем другой шалаш, не ленинский. Из него выскочили три злобных жандарма. Они скрутили Ленина, бить не стали, сорвали с него парик и поочередно погладили по лысой макушке, приговаривая: «Давно тебя поджидаем. Проголодался, небось, Вова? Перекуси уж с нами». «Сыт», – с чувством собственного достоинства прошептал голодный вождь пролетариата. «Ну а чего пожаловал, какими судьбами?» «Грибы собирал, а тут вы, сволочи... – солгал Ленин, пряча за пазухой стопку свежего номера газеты «Искра» и, хитровато сощурившись, уточнил: – сморчки». «Ну и катись, собирай дальше, кретин», – махнули рукой доверчивые стражи порядка. «Парик-то отдайте», – уже миролюбиво окрепшим голосом попросил Ленин, и в критические минуты не забывавший о конспирации. «Вот, возьмите, пожалуйста», – сделал реверанс маленький, самый вежливый и дальновидный жандарм, перешедший впоследствии на сторону революции.

Отойдя подальше от логова зверя, Ленин едва не заплакал от досады на обуявшую его гордыню. «С «Искрой» я их ловко надул, – самоутешался Ильич, – но что касается сытости... Мог бы и не лукавить, чертовски проголодался».

На конспиративной квартире

Ленин не любил жандармов, как сегодня Япончик ментов. Нет-нет, да и плюнет косточкой от вишневого варенья с балкона конспиративной квартиры в какого-нибудь. Когда попадал, радовался как ребенок.

Жандармы тоже недолюбливали Ленина по объективным причинам, но в их свирепом облике ничего детского не было.

Терпению подвергшегося неожиданной атаке городского пришел конец. Не в меру расшалившийся Ленин вылил на него сверху ночной горшок и спрятался за портьерой. Радость была столь велика, что Владимир Ильич невольно выдал себя, громко хихикнув. Городовой, огромный детина, вышиб плечом дверь конспиративной квартиры, выволок из-за шкафа перепуганного Ильича, стащил с него брюки с кальсонами и подверг остракизму в позе, унижающей мужское достоинство.

Вытерев об лишившегося сознания (легкий обморок) Ленина грязные сапоги и бесстыдно помочившись на распластанное тело, городской, гулко топая, спускался по подъездной лестнице. «Вот ты у меня где, лысая мандавошка», – донеслось до чуткого уха революционера эхо ненавистного баса. «Вот, говно! В семнадцатом еще встретимся», – мысленно парировал Ленин. «Ну-ну», – усмехнулся простодушный жандарм...

Зеркало русской революции

Ночь напролет после удачно проведенного митинга всласть накричавшийся и намахавшийся любимой кепкой Ленин пил с соратниками. Пили и спорили на важные темы. Обсуждали текущий момент. Надежда Константиновна замучилась за шнапсом бегать к меценату Морозову. Когда Яков Михайлович рыгнул и похвастал сохранившимся до сих пор рвотным рефлексом, не потрудившись встать с места, она послала всю компанию к Энгельсу, хлопнула дверью и ушла жаловаться на безвыходную ситуацию политическим проституткам Каменеву и Зиновьеву, которых товарищи забыли пригласить. Тогда товарищи единогласно постановили избрать гонцом оконфузившегося Якова Михайловича, чтоб заодно и проветрился.

Под утро от чудовищного перегара запотели все окна. Окурки валялись на подоконнике, в недоеденном салате «Оливье», в стаканах, на полу и даже на Манифесте коммунистической партии. Прямо в блевотине похрапывал молодой грузин по кличке Коба. Феликс Эдмундович, обкурившись привезенной Ильичем из Шушенского коноплей, произвел под столом акт дефекации. На окружающих это подействовало как нашатырь или боевая тревога. Оторвав тяжелую голову от салатницы и разлепив веки мутного заплывшего глаза, Владимир Ильич бессмысленно переводил взгляд с Феликса Эдмундовича на Якова Михайловича. Последний был, кажется, вменяем.

– Яша, что-нибудь осталось?

– Ни капли, Владимир Ильич. И Морозов велел швейцару не давать больше.

– Следовало ожидать. Я всегда утверждал, что с этим

буржуйским выкормышем, будем откровенны, с этим архиподонком нам не по пути.

– Не скажите, Владимир Ильич. Пригодится еще. Ай, и перекосило же вас, однако.

– Да и ты, дружочек, хорош, страхни икорку-то с бороды.

Поддерживая друг друга, они переступили через спящего Кобу, чтобы посмотреть в большое настенное зеркало в бронзовом орнаменте напротив окна. Отразились. Якова Михайловича снова неудержимо потянуло блевать. После хамской выходки Дзержинского сдерживаться не имело смысла: мало того, что под столом нагадил, так он еще и Льва Николаевича Толстого, как зеркало русской революции, к стене пригвоздил – наркоман, садист, туберкулезник хренов.

Любит – не любит

Ленин любил и ненавидел. Любил он читать (больше – писать), гимнастику, кататься на велосипеде, залепить кому-нибудь снежком в ухо, нечеловеческую музыку, учение Маркса-Энгельса перевирать, Надежду Константиновну, Инессу Арманд, любимца партии Бухарина, пить пиво с ветчиной в Швейцарии, а став вождем – рассылать депеши с категорическими требованиями расстрелять, сгноить, реквизировать, выслать с неизменным коммунистическим приветом. Ничуть не меньше любил Владимир Ильич ненавидеть. И ведь было кого: помещиков, капиталистов, религию и служителей культа, профессуру, поэтов, писателей, проституток, царскую семью, жандармов (по старой памяти), саботажников, театры, белогвардейцев и многое другое.

Соберет иной раз на прогулке в Горках Ленин букет полевых ромашек для Крупской, идет домой и гадает: любит – не любит. Выглядело это так. Оторвет лепесток – Энгельс. Оторвет другой – левый эсер. Оторвет третий – Инесса. Четвертый – духовенство. Коммунизм – АНТАНТА. Субботник – саботаж. Партия – меньшевики... Так что Надежде Константиновне доставался лысый веник. Если последним лепестком оказывался Маркс или, на худой конец, Бухарин, Ильич пребывал в прекрасном расположении духа, шутил с домочадцами, громко смеялся, пил со всеми вместе чай вприкуску и играл в лото. Но чаще последним на землю падал Колчак или, не дай Бог, Деникин. Тогда Ленин запирался на ключ в своем кабинете, и всю ночь оттуда доносился скрип пера, скорее – скрежет, заглушаемый время от времени неразборчивыми возгласами. Перо не просто скрипело, а выдавало директивы, требовавшие незамедлительной расправы не над призраками, а вполне конкретными лицами. Посвященный в ночные бдения вождя психиатр мог бы констатировать бурное помешательство, выражающееся в наличии плодов больного воображения, перетекающих в маниакальные амбиции. Но это стоило бы психиатру жизни. Кроме того его никто и не посвящал. В «Моей маленькой лениниане» Венедикт Ерофеев цитирует дедушку Ленина.

«Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении».

«Наркомату почт и телеграфов: обращаю ваше серьезное внимание на безобразие с моим телефоном из деревни Горки. Посылаемые вами лица мудрят, ставят ни к чему какие-то особые приборы. Либо они совсем дураки, либо очень умные саботажники».

«Бедняга профессор Тихвинский, управляющий петроградскими лабораториями Главного нефтяного комитета. Одной фразы Ильича было достаточно: «Тихвинский не случайно арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга», (сентябрь 1921). Расстрелян в 1921 году».

«Тов. Богданову: Мы еще не умеем гласно судить за поганую волокиту. За это весь Наркомюст надо вешать на вонючих веревках».

Реакционные историки бездоказательно утверждают, что, гадая на ромашках, Ленин мастерски передергивал.

Бег впереди времени

Ленин бежал впереди времени и ног не ломал. Начиналось с пустяков. Пристрастившийся на марксистских посиделках к табаку Володя бросил курить. Никому и в голову не пришло, с чего бы это? Ну, бросил и бросил. Так не бывает: слева тебя Коба окуривает, справа Бухарин кольца дыма пускает, а ты вдруг взял, да и бросил – попробуй, брось! Секрет на поверхности: заглянул Ильич сквозь ему лишь ведомую призму в будущее и прочитал на пачке папирос набившую всем сегодня оскомину надпись: КУРЕНИЕ УБИВАЕТ. Тогда-то и принял решение расстаться с пагубной привычкой, а не с бухты-барахты.

Вряд ли найдется сволочь или хороший человек, которые никогда не испытывали головной боли, не простужались и не заражались гриппом. И Ленин хворал. Но выздоравливал он на удивление быстро. Наивно полагать, что причиной тому недюжинное здоровье и широкая кость. Приоткроем завесу и над этой маленькой тайной: принимал Ильич эффералган и фервекс UPSA, а также аспирин с витамином С. Кто-то возразит – это же изобретение французских фармацевтов второй половины XX века. Вот то-то и оно.

Бег впереди времени прекратился, когда в 1922 году Владимир Ильич разучился говорить, писать, читать и узнавать окружающих. «Но дел успел наделать он немало» – они и по сей день аукаются. Нам бы какого-нибудь очередного спринтера или марафонца не прозевать и схватить за одно место, желательно, еще при низком старте, чтобы потом «не было мучительно больно». Но ведь непременно прозеваем – по-другому не можем. Так что, дорогой Владимир Ильич, ваши мощи не предадут земле, а будут регулярно полоскать в специальном растворе и выставлять на всеобщее обозрение еще долгие-долгие годы. Вы же этого хотели, не правда ли? Неправда. Ну, а тогда при жизни надо было вести себя по-человечески. Скажите спасибо соратникам. На этом прощаемся с Вами. Всего Вам доброго, не поминайте лихом, Вова и Лева.

Куда ж мы уходим?

Эрику Мамбетовичу Конурбаеву

Эрик Мамбетович Конурбаев – русский

Старший лейтенант Полетаев в армии 20 лет, не считая военного училища. И – старший лейтенант. Речь не о буйном нраве или неладах с начальством. Напротив, весьма добродушен и покладист. Отец солдатам, можно сказать. При возвращении с учений остановил руководимую им транспортную колонну, после чего останавливал уже гражданские машины, «стреляя» для подчиненных сигареты, сам при этом не курящий. Но с головой – беда. Да и привычки имел неэстетичные: перед строем сложит руки чуть ниже паха и не то, чтобы чешется, а как бы так несколькими движениями вверх-вниз поправляет это место, как будто ему там мешает что. Или вдруг – соплей об асфальт. Не по-офицерски как-то.

Вот сидит Полетаев в канцелярии и наблюдает за писарем Розенблитом. Розенблит вписывает в графу «Вооружение и техническое имущество» военных билетов полученные Полетаевым на его взвод противогазы.

– Не может быть! Ну-ка, дай-ка сюда, – выхватывает Полетаев у Розенблита очередной военный билет, – нет, ты посмотри! Ха-ха. Ах – ха-ха. Ха-ха-ха-ха!

– Что такое, товарищ старший лейтенант?

– Да это же курам на смех!

– Что?

– Смотри сам!

– Нормально всё

– Нормально? Эрик Мамбетович Конурбаев – русский – нормально?

– И что?

– Эрик. Мамбетович. Конурбаев. Русский.

– Не пойму я вас, товарищ старший лейтенант.

Еще раз повторив вслух столь поразившую его комбинацию из имени, отчества, фамилии и национальности, Полетаев закатывает глаза и начинает сотрясаться беззвучным смехом. Резко прекратив, обращается к Розенблиту:

– Ты, Розенблит, кто?

– Рядовой.

– Понятно, не генерал. Я спрашиваю, рода какого?

– Мужского, какого ж еще?

– Я не об этом. Родители твои кто?

– Мама умерла. Отец – инженер.

– Извини. Как бы тебе объяснить... Ты к народу какому относишься?

– К российскому. Гражданин Российской Федерации, временно исполняющий «почетную обязанность».

– Что, и тоже русский?

– Почему? Еврей.

– Вот! Вот, Розенблит! Ты – еврей, понимаешь? А Э-р-и-к-м-а-м-б-е-т-о-в-и-ч-к-о-н-у-р-б-а-е-в – русский! Понимаешь теперь?

– Нет. Ну, русский. Ну и что?

– Тяжело, Розенблит, быть бестолковым. Ладно, давай дальше пиши. Отбой скоро.

Дембельская сказка

После отбоя, когда последний офицер уже покинул казарму, спят все, кто захочет из «стариков» и те, кому позволят из «молодых». Любого «молодого» любой «старик» неожиданно может спросить, сколько дней до приказа. Лучше не ошибаться. Неточный ответ воспринимается как личное оскорбление. Последствия для «молодого» будут непосредственно связаны с тем, что в уставе прописано как «тяготы и лишения воинской службы». Вариаций не счесть, вплоть до чистки засранного унитаза зубной щеткой. И это не самое страшное. А по каким же еще, вы думали, причинам случается, что бегут, расстреляв иной раз на месте весь караул?

Когда почти все уже утомонились, и койки приняли в свое лоно утомленных защитников отечества, «молодой», чья очередь сегодня, взбирается на тумбочку и читает стихотворение, именуемое «дембельской сказкой»:

*Дембель стал на день короче.
Старичкам спокойной ночи.
Пусть вам снятся дом родной,
Баба с пышиною пиздой,
Бочка пива, водки таз
И о дембеле приказ.*

Текст канонический – с момента, когда до приказа остается 100 дней, все эти 100 дней он и произносится без изменений с завидным постоянством. Высокий стиль! После декламации «старики» хором или вразнобой орут: «Дембель!», после чего чтец имеет право покинуть пьедестал, если, конечно, прочитал выразительно и не требуется повтора. Как-то, непозволительно размечтавшись до срока, к хору дембелей присоединил свой голос и «молодой», и тут же словил лбом сапог, пущенный услышавшим его бдительным «дедушкой». Подобное даже для «черпака» (после года службы) – неслыханное кошунство. Такой вот отход ко сну.

*Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат.
Пусть солдаты немного поспят...*

Ромашки спрятались, поникли лютики

– Рота, смир-на! Равнение напра-во! Товарищ капитан, во время моего дежурства происшествий не случилось. Рота находится...

– Вольно, вольно. Вижу, что не случилось. Вижу, что находится... Какого хера у Федорина крючок расстегнут и верхняя пуговица?

– У меня, товарищ капитан...

– Рядовой Федорин!

– Я.

– Выйти из строя.

– Есть.

– Трое суток ареста. Вопросы?

– Товарищ капитан, у меня на шее огромный фурункул, мне и в расстегнутом виде больно.

– Арест отменяю. Но пуговицу с крючком немедленно застегнуть!

– Я не могу, товарищ капитан. Мне и в санчасти разрешили.

– Здесь распоряжаюсь Я! В санчасти ему, блядь...

– Как вы можете, товарищ капитан? У вас же нет медицинского образования.

– А мне поебать ваше медицинское образование!!! Приказываю привести в порядок форму одежды и... трое суток ареста! Разой-дись.

Нет, командир роты капитан Василий Васильевич Сугерей не был злым человеком. Так, разве вспылит иногда. Помните у Гоголя: «Скорее даже мягкости в нем много. Кошельки вышивает собственными руками, ласковое выражение лица...» Насчет «кошельков и выражения лица», конечно, сомнительно, но вот к чему Сугерей испытывал неподдельно нежные чувства, так это ко всякой комнатной флоре. В ротной канцелярии благодаря его трогательной заботе произрастали несколько видов бегоний, кактусов, фикусов и пальма.

В тот роковой в судьбе писаря Розенблита день Василий Васильевич, любовно осмотрев свое зеленое хозяйство, решил рассадить какой-то не в меру разросшийся куст. Поразмыслив, кого бы послать в цветочный магазин для покупки необходимых горшков, он остановил взгляд на изображавшем видимость деятельности Розенблите, который перекладывал с места на место всякие бумажки, выдвигал и задвигал ящик стола и хлопал папками.

– Розенблит!

– Я.

– Головка от боекомплекта. Что ты все манипулируешь, крутишь, вертишь...

– Я не манипулирую, товарищ капитан, я ищу...

– Ни хера ты не ищешь. В общем, так. Сейчас выпишу тебе увольнительную и дам денег. Слетаешь в цветочный магазин и приобретешь пять горшочков такого вот приблизительно размера. Задача ясна?

– Так точно. Исполню в лучшем виде, – и в душе Бори Розенблита от поставленной задачи расцвел розовый куст.

Выйдя за ворота КПП, он еще раз пересчитал капитанские деньги и убрал их в нагрудный карман гимнастерки. Своих оказалось поменьше, но все-таки были – горшки никуда не убегут, а свалившийся как снег на голову день вожделенной свободы может бездарно кануть в лету.

Каким образом Боря распоряжался свободой – оставим простор для воображения читателя, особенно отслужившего срочную службу. Когда же он все-таки оказался на пороге цветочного магазина и потянул ручку двери, дверь не поддавалась. Что дергать ее бесполезно, он понял, прочитав висевшую на ней же табличку с часами работы: пятница – короткий день. И Боря стал носиться по городу. В хозяйственном горшки были, но гораздо больших размеров,

чем требовалось; да и в смету никак не уложиться. Украсть в ресторане? Один еще как-то можно, но пять? В универсаме и вовсе голяк. Машинально, ни на что уже не надеясь, вошел Боря в магазин фототоваров. Он тупо стоял перед витриной, бессмысленно разглядывая ее.

– Скажите, пожалуйста, – наконец обратился Розенблит к продавцу, – для чего служат вот эти емкости?

– Это, молодой человек, специальные ванночки для проявки пленки.

– А как вы думаете, что будет, если в такую ванночку насыпать земли и посадить какое-нибудь неприхотливое комнатное растение?

Продавец пожал плечами, но выход, хотя и несколько сомнительный, был найден. Размеры ванночек почти точно совпадали с заданными Сугереем размерами проклятых горшков, а цены и вовсе не кусались, настраивая на оптимистичный лад...

– Товарищ капитан, ваше задание выполнено! – доложил Розенблит, отыскав ротного в казарме, – товар доставлен в целости и указанном количестве.

– Тебя только за смертью посылать, – незлобно проворчал Сугерей, – сдачу принес? Вот и хорошо. Давай, тащи-ка их сюда.

– Что это? – спросил Сугерей, когда через минуту Розенблит нарочито медленно – спешить действительно было уже некуда – распаковал перед ним картонную коробку.

– Японские. Пять штук. Экологически чистые – я консультировался. Если здесь вот, в дне, просверлить дырку...

Капитан Сугерей, не повышая голоса, впервые обратился к нему на «вы» и без матерной брани:

– Розенблит, вы совершенно не думаете о своем будущем. Сдавайте дела ефрейтору Прокочуку. После чего поступаете в распоряжение старшего лейтенанта Полетаева.

– За что, товарищ капитан? Я весь город оббегал. В цветочном – хоть шаром покати, в хозяйственном – та же картина. Я же старался!

– Старался, блядь? – вернулась к капитану нормальная лексика, – стараться ты завтра вместе с ротой на полосе препятствий будешь. Главное дело, мозги мне вздумал здесь ебать! Я вчера лично в цветочный магазин заходил, так там эти горшки хоть жопой ешь – все заставлено! Жизнь медом показалась? На учениях в окопах сгною! Я тебе просверлю... дырку...

Бедный Йорик

Слов на ветер капитан Сугерей не бросал. Или ветер дул недостаточно сильно. Поменяв в штатном расписании зарвавшегося писаря на другого проходимца и посадив на губу симулянта Федорина, он вызвал после развода командиров взводов капитана Сливкина и старшего лейтенанта Полетаева и предложил в качестве меры для повышения расшатавшейся дисциплины провести внеплановые учения перед грядущей проверкой. Задача: выдвижение посредством марш-броска с полной боевой выкладкой из пункта А (расположение части) в пункт Б (территория полигона). В пункте Б надлежит вырыть до обеда несколько окопов и перекрестных щелей. После обеда все это безобразие, чтобы не портить ландшафта, естественно, закопать. Цель учений: отработка навыков по отражению внезапного нападения противника на равнинной местности. Ответственные: капитан Сливкин и старший лейтенант Полетаев. «Не иначе, как в майоры метит», – подумал капитан Сливкин.

Полетаев, улучив момент, когда Сугерей вышел в туалет, промокнул чистым носовым платком лоб, зажал большим пальцем одну ноздрю и высморкался в кадку с фикусом.

– Вопросы?

– Насколько я понял, целью учений является отработка навыков по отражению внезапного нападения, – начал капитан Сливкин.

– Так точно.

– И где же это вы видели, чтобы при внезапном нападении бойцы начинали окапываться как кроты? – Полетаев, успевший побывать на своем веку и в горячих точках, беззвучно хохотнул. – Да и грязища там после дождей непродазная.

– Вы к словам не цепляйтесь. Внезапность, раз уж на то пошло, мы исключим. Пусть будет просто «отражение нападения». А грязь – это даже хорошо. Условия должны быть максимально приближены к боевым. Как говорится, тяжело в учении... Значит, завтра роту в пять тридцать по тревоге и дальше по плану.

Получив в оружейной комнате автоматы, вещмешки и противогазы, рота выстроилась на плацу. Не выспавшиеся взводные проверяли снаряжение и доводили до личного состава поставленную «взбесившимся ботаником» задачу. Наконец грохот сапог заглушил команду «Бегом, марш!» Сугерей засек время, предварительно пожелав бойцам уложиться в норматив, если есть желание возвращаться шагом (время останавливается по последнему), командиры сели в ГАЗ-66 и укатили в пункт назначения.

«Не могу бильше», – сплевывая белой слюной, хрипел хохол Юра Бугаенко. Наиболее выносливым пришлось забрать у него вещмешок с автоматом. К концу маршрута Бугаенко и вовсе перестал соответствовать своей фамилии. Подхватив взмыленного Бугая под мышки, Розенбит и Федорин последние метры тащили его на себе. И не только не вышли за рамки отведенного Сугереем времени, но и перекрыли его. Справедливый Полетаев тут же объявил им перед строем благодарность, после чего была поставлена основная задача. Срок исполнения – 13.00. Время пошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.